НОВГОРОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского

Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.

Под редакцией
В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова.

Новгород 1994

П. Г. Гайдуков

1932 ГОД — НАЧАЛО ПЛАНОМЕРНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДА

Прошло 60 лет с начала первых планомерных археологических изысканий в Новгороде. Летом 1932 г. здесь впервые начали археологические раскопки две экспедиции, которые и положили начало работе Новгородской археологической экспедиции МГУ, ИА РАН и НГМ. Экспедиция московских и ленинградских археологов под руководством А. В. Арциховского провела первые раскопки на Славне, а экспедиция Новгородского музея исследовала настилы средневековой Борковой улицы на Софийской стороне (ул. Декабристов). Научные материалы этих раскопок изданы и хорошо известны.[1] Они прочно вошли в научный оборот. Отмечая шестидесятилетнюю годовщину археологического изучения Новгорода и сознавая тот грандиозный вклад этих раскопок в дело изучения истории и культуры средневековой Руси, необходимо помнить и о другом — о том, как все это начиналось. Мы обязаны знать не только научные итоги исследований 1932 г., но и кто, как и когда проводил эти первые раскопки. Сведений по этому вопросу сохранилось немного, однако некоторые материалы уцелели в архивах ИИМК и НГМ, а ряд сведений нашел отражение в некоторых статьях, посвященных археологическому изучению Новгорода и Новгородской земли.

Прежде всего необходимо отметить, что раскопки 1932 г. были одним из первых опытов работы в древнерусском городе. И хотя к этому времени уже были проведены первые раскопки как в самом Новгороде (1910 г. — Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерих), так и в некоторых других городах (1911, 1913 гг. — Старая Ладога, Н. И. Репников; 1926 г. — Старая Рязань, В. А. Городцов; 1930 г. — Псков, К. К. Романов), четкой и отработанной методики работ еще не существовало, и руководители экспедиций должны были сами принимать решения при исследовании многометровых и многослойных культурных напластований Новгорода.

Целью этой статьи не является подробный научный анализ работ, проделанных в 1932 г. Основная задача состоит в другом: документально проследить хронологическую канву раскопок и отметить участников.

Раскопки А. В. Арциховского на Славне

В конце 1931 г. Артемию Владимировичу Арциховскому исполнилось 29 лет. К этому времени он был уже опытным археологом, с 1925 г. работая научным сотрудником ГИМ. В 1929 г. Артемий Владимирович закончил аспирантуру Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН и защитил кандидатскую диссертацию «Курганы вятичей», которая в 1930 г. была напечатана отдельной книгой. С 1931 г. Арциховский — научный сотрудник Гос. Академии искусствознания, а затем ГАИМК (Московское отделение). Начиная со студенческих лет (с 1924 г.), он принимает активное участие в полевых работах в Подмосковье: раскапывает вятичские курганы, неолитическую стоянку, древнерусское городище и городище дьяковской культуры, в 1929 — 1930 гг. проводит раскопки в Новгородской земле: древнерусских курганов в с. Хрепле, Новгородского («Рюрикова») городища и Курского городища на р. Ловать.[2] Таким образом, к началу раскопок в Новгороде Артемий Владимирович был не только опытным археологом-полевиком, но и сложившимся «кабинетным» ученым.

Задумав первую экспедицию в Новгород, Арциховский наметил проведение раскопок на Торговой стороне на Славенском холме (рис. 1, 2). Во время проведения раскопок он надеялся получить материалы по следующим темам: изучение Новгорода по его типичным жилым кварталам на протяжении нескольких эпох; выяснение проблемы возникновения феодального города по древнейшим слоям Новгорода, наличие которых он предполагал на Славне; изучение деревянных жилых и производственных сооружений, сохранившихся на Славне; изучение городского ремесленного производства.[3]

С самого начала экспедиция планировалась как совместная с ленинградским ГАИМК. Руководство Академии начальником экспедиции утвердило А. В. Арциховского, а заместителем начальника — работавшего в Ленинграде М. К. Каргера. Секретарем был старший научный сотрудник ГИМ Б. А. Рыбаков. Смета экспедиции составляла 3750 руб. От ГАИМК было получено 2000 руб., от МОГАИМК — 1000 руб., от ГИМ — 750 руб. (рис. 3).

6 апреля на запрос Правления Новгородских музеев из ГАИМК был направлен ответ о предполагаемых археологи-

Объяснительная записка о Новгородской археологической экспедиции 1932 года.

О историческом значении Новгорода и важности раскопок в нем для изучения русского феодализма говорить нет необходимости. Местом раскопок избран Славенский конец по следующим соображениям.

1) это один из типичных городских кварталов, где возможно сравнительное изучение материального облика Великого Новгорода всех этапов его истории,

2) здесь наиболее вероятное место древнейшего поселения, этногенеза будущего города, поэтому раскопки имеют исключительное значение для проблемы происхождения русского феодализма и для датировки возникновения Новгорода,

3) в XVIII, ~~и~~ XIX веках, судя по архивным источникам, намеченный участок застроен не был; поэтому можно избежать производительных расходов на расчистки поздних слоев,

Рис. 1. Первый лист рукописи А. В. Арциховского «Объяснительная записка о Новгородской археологической экспедиции 1932 года». Хранится в архиве ИИМК.

1932 год

Экспедиция в Новгород по изучению феодального го

ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ.

Задачей экспедиции является изучение наиболее важного и менее изученного из русских феодальных городов, Новгород. В первую очередь намечаются раскопки на Славенском Холм где будут поставлены следующие темы:

а/изучение Новгорода по его типичным жилым кварталам в жениях нескольких эпох,

б/выяснение проблемы возникновения феодального города п внейшим слоям Новгорода, которые предполагаются на Славне

в/изучение деревянных жилых и производственных сооружен сохранившихся на Славне,

г/изучение городского ремесленного производства.

Выбор Славенского Холма обусловлен также предстоящей за кой зданиями водопровода и электростанции намеченного ц копок места.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.

Методика подчинена целиком задачам изучения жилых и пр ственных сооружений; послойно-квадратная регистрация име этом только вспомогательное значение. Основная документ четность - графики на миллиметровке. полевая

Возможно, что работы первого года ограничатся верхними ксами, но доведение раскопок до материка остается обязат задачей для экспедиции в целом. Комплексов всего ожидает сколько слоев, каждый из которых должен быть охарактериз типичными сооружениями, полностью вскрытыми. Открываемые вянные предметы консервируются желатином на основе указ Института Исторической Технологии.

СВЯЗЬ С МЕСТАМИ.

Экспедиция проходит при научном и материальном участии городского Музея, сотрудники которого будут участвовать всех работах.

Участники экспедиции проводят доклады в местных органи и экскурсии на место раскопок.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ.

В составе экспедиции работают пять студентов-практикан ЛИЛИ.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

Начальник экспедиции - А.В.АРЦИХОВСКИЙ. Заместитель нача экспедиции - М.К.КАРГЕР. Секретарь экспедиции - Б.А.РЫБАК фотограф - С.Н.АНОСОВ. Научно-технические сотрудники: ГОРО СКАЯ, ПОЖАРСКАЯ, РОГАЧЕВ, ЩЕРБАКОВ. Представители Новгородск Музея.

Землекопы - в среднем 6 человек в I рабочий день.

ВРЕМЯ РАБОТ. - июль.

КАМЕРАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА будет закончена к I апреля 19 года. Добытые вещи поступают в Гос. Исторический Музей и Новгородский Музей.

Отчеты будут представлены в сроки, указанные в инст /см. Сообщения Гаимк, №1-2/.

Арциховский

Рис. 2. Первый лист архивного дела «Экспедиция в Новгород по изучению феодального города». Хранится в архиве ИИМК.

Смета Новгородской экспедиции.
Смета составлена соответственно полученным суммам, именно 2000 р.
от ГАИМК, 1000 р. от МОГАИМК, 750 р. от Гос. Исторического Музея.

СТАТЬ	СТАТЬИ РАСХОДА	ВСЕГО	ГАИМК	МОГ	ГИМ
	очные на 1 месяц:				
	начальнику экспедиции	300	300		
	вам: нач.	250	250		
	секретарю	200	200		
	фотографу	150	150		
	4-м научно-техн. сотрудникам по 150 р.	600	600		
	лекопы, 6 человек по 5 р. 20 дней	600		600	
	проезд 2 чел. Москва-Ленинград	60			60
	проезд 3 чел. Новгород-Москва	50			50
	ход 8 чел. Ленинград-Новгород	170			170
	проезд 6 чел. Новгород-Ленинград	80	80		
	ковка и доставка коллекций	80			80
	о-принадлежности	130	45	25	60
	отирные 8чел. по 5 р. 20 дней	1000	375	375	250
	чебумажные принадлежности	40			40
	азчики	40			40
	ИТОГО	3750	2000	1000	750

Арциховский

Рис. 3. Смета Новгородской экспедиции 1932 г. Архив ИИМК.

ческих работах предстоящего сезона. Предполагалось провести раскопки разведочного характера в трех местах: в районе церкви Власия; на пустыре возле городского вала между Тихвинской улицей и Волховом; на Славенском холме.[4] О работах в первых двух местах в 1932 г. выяснить ничего не удалось. Возможно, там планировал проводить исследования М. К. Каргер.

План раскопок на Славне был обсужден 10 мая на совещании, где от ГАИМК участвовали А. В. Арциховский, Б. Д. Греков, М. К. Каргер и Б. А. Рыбаков, а от Новгородского музея — Н. Г. Порфиридов и С. М. Смирнов. Б. Д. Греков должен был принять участие в работе экспедиции в качестве историка-консультанта. Предполагалось, что он дважды посетит раскопки. Однако документально установить, приезжал ли он в Новгород во время работы экспедиции, не удалось. Фотографом должен был работать Л. П. Патлис, но в Новгород он не ездил. Фотографировал в процессе раскопочных работ студент Ленинградского историко-лингвистического института С. Н. Аносов. А. В. Арциховский планировал провести раскопки с 10 июня по 10 июля.[5]

В силу разных задержек экспедиция состоялась в июле. Хронологическую канву позволяет восстановить записная книжка Арциховского за 1932 г.[6] Арциховский и Рыбаков выехали в Ленинград 30 июня и пробыли там до 3 июля. В эти дни Арциховский познакомился с гранками своей книги «Миниатюры Кенигсбергской летописи», которая несколько позже вышла в серийном издании «Известия ГАИМК», а также получил экспедиционные деньги. 3 июля он выехал из Ленинграда по Неве на пароходе и с несколькими пересадками 5 июля прибыл в Новгород. О маршруте Рыбакова и Каргера в дневнике ничего не сказано. В то время Новгород был маленьким районным городом с населением менее 50 тыс. человек.[7]

В дневнике Арциховского нет подробных записей о раскопках. Возможно, у него был специальный экспедиционный дневник, однако он не разыскан. В хранящемся в архиве НГМ дневнике есть

лишь самые краткие записи и пометки. Сразу после известия о приезде 5 июля в Новгород следует ряд цифр: 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24. Наверное, это дни работы на раскопе. Вероятно, 7 июля (в четверг) работы были начаты и приведенные цифры можно интерпретировать так: 7—10 — рабочие дни, 11 (понедельник) — выходной, 12—15 — рабочие дни, 16 (суббота) — выходной, 17—21 — рабочие дни, 22 (пятница) — выходной, 23, 24 — рабочие дни.

Экспедиция состояла из 15 человек: девяти научных и научно-технических сотрудников и шести рабочих-землекопов. Все рабочие, очевидно, были местными жителями. В работе принимали участие студенты-практиканты музейно-краеведческого отделения Ленинградского историко-лингвистического института С. Н. Аносов (фотограф), Н. Н. Гороховская, М. Н. Пожарская, А. Н. Рогачев и И. В. Щербаков. Представителем Новгородского музея был В. С. Пономарев. «Землекопы работали в минимальном количестве. Главные работы выполнялись непосредственно археологами».[8] В архиве ИИМК имеются 42 фотографии, сделанные в процессе раскопок.[9] Три из них приведены в настоящей статье (рис. 4—6).

В записной книжке Артемий Владимирович отметил некоторые конкретные события: «12 — кино в городском саду («Ее путь»); 16 — ездил с Б. А. Рыбаковым на пароходе «Калинин» по Ильменю в Ст. Руссу и обратно в Новгород; 17 — доклад М. К. Каргера у краеведов о новгородской архитектуре XII в.; 18 — первый день применения вагонетки и рельс; 20 — мой доклад у

Рис. 4. 7 июля 1932 г. Начало раскопок на Славне. Фотоархив ИИМК. Публикуется впервые.

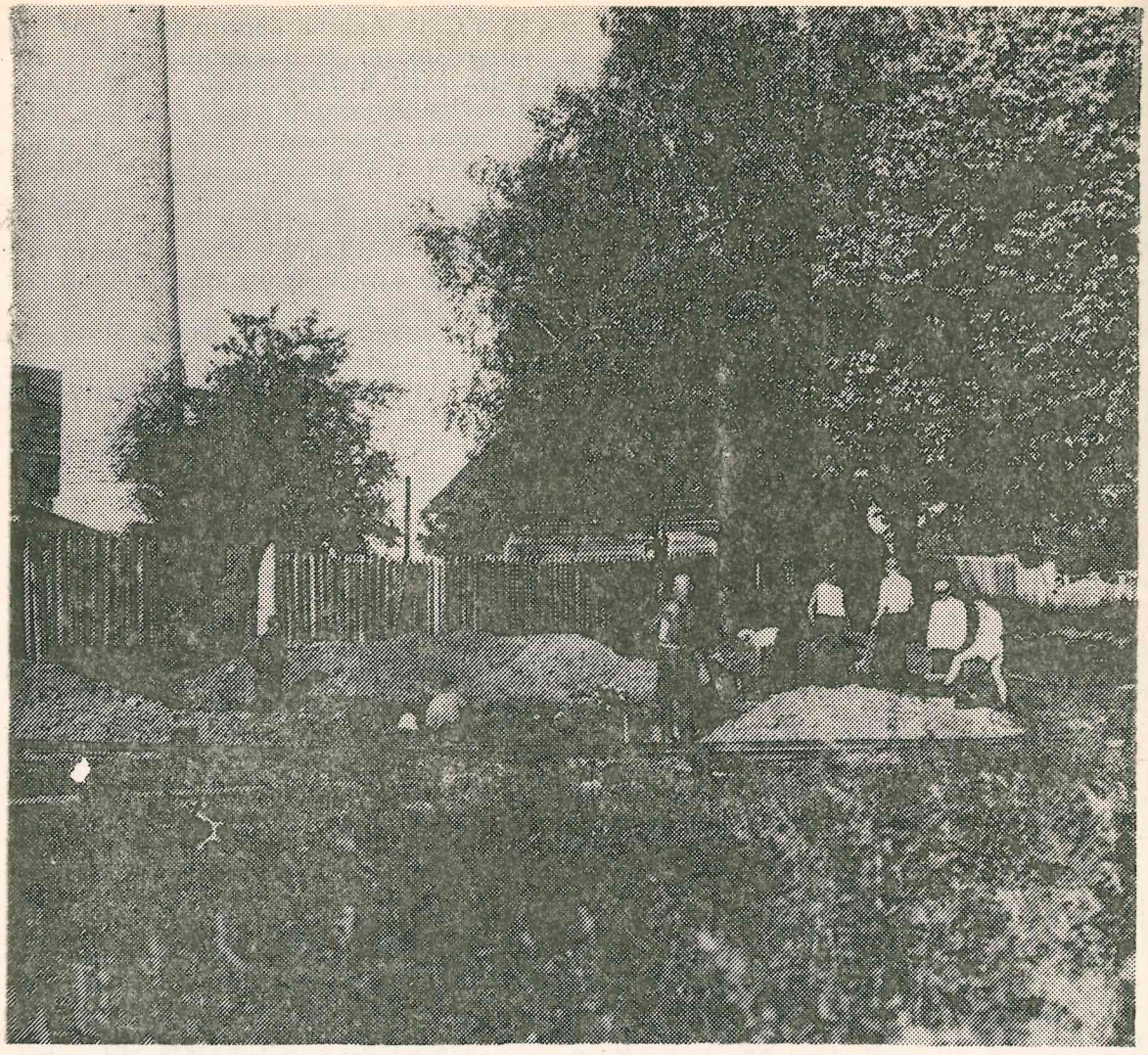

Рис. 5. **Июль 1932 г. Раскопки на Славне. Фотоархив ИИМК. Публикуется впервые**

краеведов о миниатюрах Кенигсбергской летописи; 22 — осмотрел Юрьев монастырь и в нем Георгиевский собор, осмотрел Перынь; 25 — доклад Б. А. Рыбакова у краеведов о русской воинствующей церкви XV—XVI вв.». После 25 июля никаких записей, касающихся Новгорода, нет. Вероятно, вскоре после этого экспедиция закончила свою работу.

ГАИМК проявляла интерес к работам экспедиции. Известно, что научный сотрудник Академии Н. И. Репников был командирован в Новгород и пребывал там 15, 16 и 17 июля. Сохранилось его командировочное удостоверение, отмеченное и подписанное заведующим Новгородского музея Н. Г. Порфиридовым.[10] Н. И. Репников, у которого был опыт работы в Старой Ладоге, приезжал, видимо, для того, чтобы посмотреть раскопки.

У экспедиции были проблемы с питанием. В архивном деле сохранилась вторичная телеграмма Арциховского в ГАИМК с просьбой отправки в Новгород продовольственного наряда на 14 пайков. Есть и копия ответа, в котором говорится, что из Ленинграда помочь с продовольствием нельзя и эту проблему надо решать на месте в Потребительских обществах.

Научные результаты экспедиции 1932 г. известны благодаря отчетной статье Арциховского и Каргера, опубликованной в начале 1933 г. в журнале «Проблемы истории материальной культуры». В ней угадывается своеобразный и очень индивидуальный стиль научного изложения Арциховского. Вероятно, эту статью целиком написал он. М. К. Каргер, назначенный заместителем начальника экспедиции, в раскопках на Славне, видимо, участия не принимал. На имеющихся фотографиях есть А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков, который работал чертежником, а М. К. Каргера нет. Нет и никаких других свидетельств его участия в раскопках. Не исключено, что во время рабо-

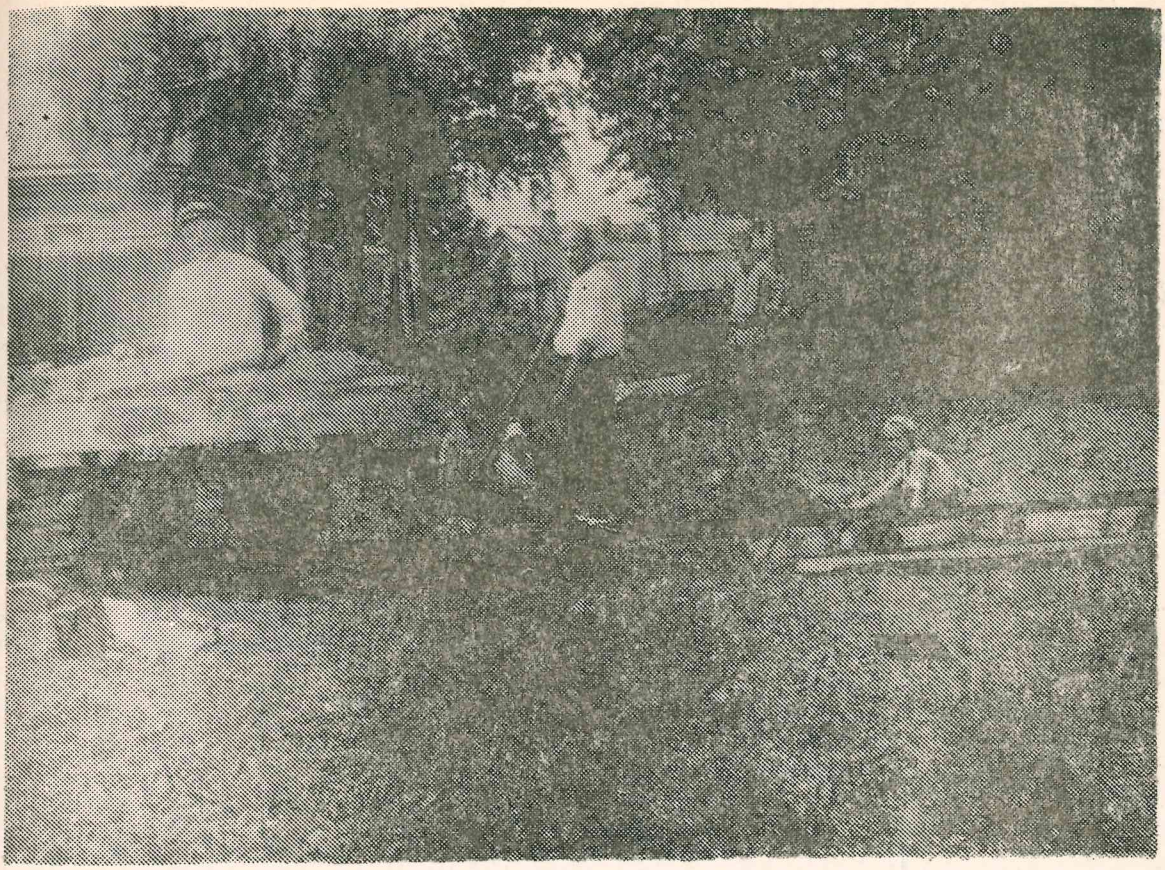

Рис. 6. **Июль 1932 г. Раскопки на Славне. Фотоархив ИИМК. Публикуется впервые.**

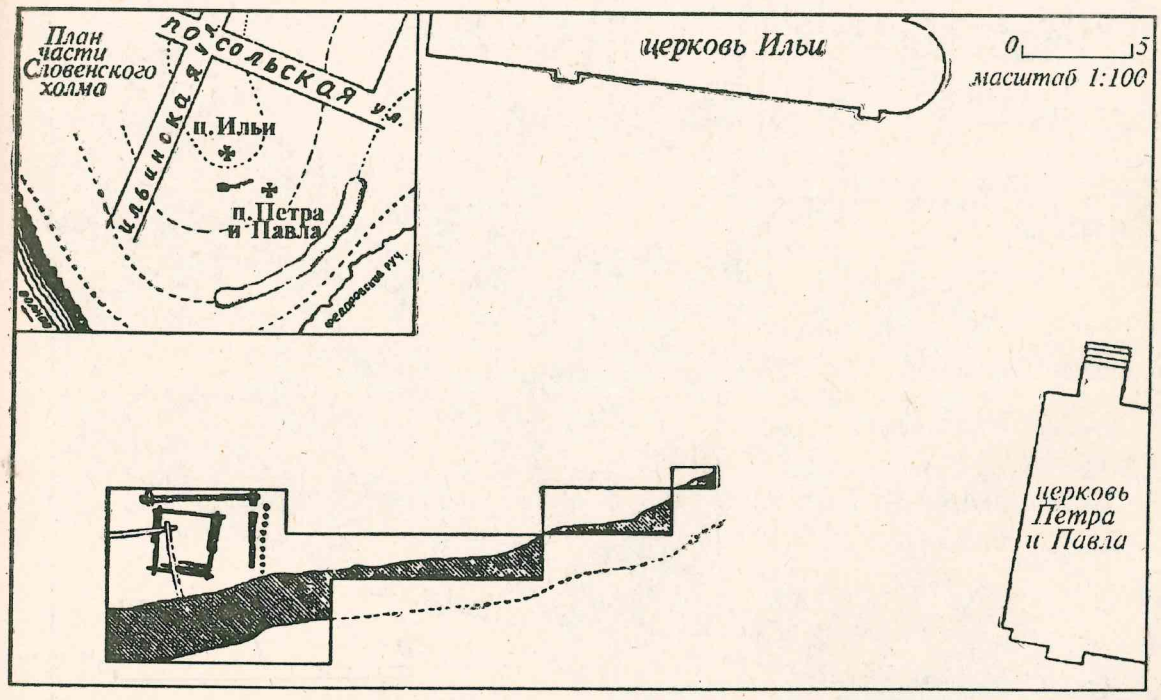

Рис. 7. **Общий план раскопок на Славне. Фотоархив ИИМК. Из статьи А. В. Арциховского и М. К. Каргера «Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом».**

ты экспедиции он занимался изучением новгородской архитектуры. Немного позже, в 1933—1935 гг., М. К. Каргер приступит к самостоятельным раскопкам в Юрьевом монастыре и на Новгородском городище.

По современным понятиям в результате первых раскопок на Славне был выполнен небольшой объем работ. «В итоге была вскрыта до материка (или до древнейших деревянных сооружений) площадь в 64 кв. м (8×8 м) на участке к Ю от ц. Ильи Пророка и к З от ц. Петра и Павла; кроме того, путем удаления позднего верхнего слоя расчищено продолжение верхней линии каменной кладки на 20 м к В от площади раскопок»[11] (рис. 7). Однако уже на этой небольшой площади А. В. Арциховскому удалось сделать важные стратиграфические наблюдения и высказать предположения, которые полностью подтвердились при расширении работ здесь в последующие годы. Главный итог — это разделение всей толщи культурных напластований на три четких слоя и датировка этих слоев. Первый слой датирован XVIII—XIX вв., второй — XV—XVI вв., третий — XI—XIV вв. В третьем слое выявлены три яруса деревянных сооружений, которые залегали одно под другим (рис. 8). В раскопе была обнаружена и вскрыта на протяжении 29 м каменная кладка — стена шириной 2,30 м. По особенностям кладки и аналогиям в новгородской ар-

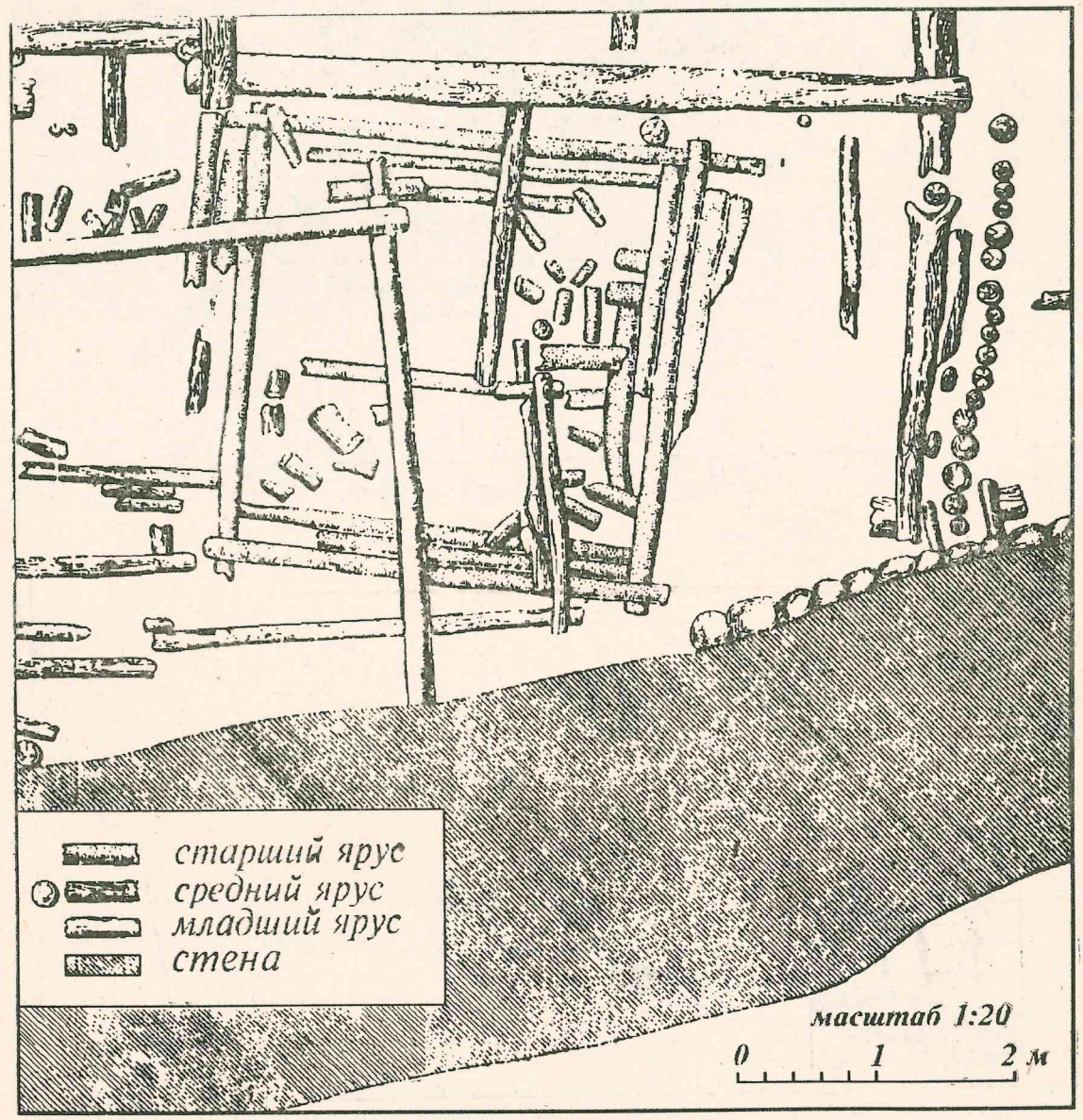

Рис. 8. **Раскопки на Славне. План трех ярусов деревянных сооружений. Из статьи А. В. Арциховского и М. К. Каргера «Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом».**

хитектуре стена была датирована XIV—XV вв. А. В. Арциховский оставил до будущих раскопок открытым вопрос о связи этой стены с «каменным острогом», который в 1335 г., по известию Новгородской I летописи, построили архиепископ Василий, посадник Федор и тысяцкий Остафий «от Ильи святого к Павлу святому».[12] Вся вещевая коллекция из раскопок была передана после научной обработки в ГИМ.

Уже после первого сезона работ А. В. Арциховский понял перспективность археологических раскопок в Новгороде и очень хорошо написал об этом: «Раскопки 1932 г. в Новгороде доказали окончательно, что Новгород может и должен стать местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам юга СССР. Чрезвычайно при этом благоприятна для научных выводов та стратиграфия, которую вскрыли раскопки на Славне. Здесь пока вовсе нет той перерытости, того смешения слоев, которое характерно для большинства древних городов. Три слоя, четко датируемые керамикой, вещами и строительными фрагментами, разделены стерильными прослойками. Так устанавливается хронологическая сетка для дальнейших работ. О подобных условиях раскопщики обычно могут только мечтать. Сохранность разновременных деревянных сооружений открывает блестящие перспективы. Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечевого периода — все это из области сказочной романтики перейдет в область науки. Для изучения истории хозяйства феодального Новгорода создадутся гораздо более благоприятные условия».[13] Это научное предвидение в полной мере подтвердилось только через 20 лет, когда экспедиция начала работы в Неревском конце, где сохранность культурного слоя, его мощность и насыщенность остатками деревянных сооружений и находками оказались ошеломляющими.

Тогда же, в уже далеком 1932 г., А. В. Арциховский предложил и грандиозный план музеефикации части средневекового Новгорода, который, однако, в силу многочисленных сложностей не реализован до сих пор: «Создание в Новгороде нескольких музейных кварталов древнего города является реальной задачей ближайших лет. Такие кварталы будут важнейшими источниками для вопроса о возникновении феодализма».[14]

Раскопки на Славне были продолжены А. В. Арциховским в 1934, 1936 и 1937 годах. В целом они имели очень большое значение для изучения средневекового Новгорода, а также для отработки методики раскопок городского культурного слоя. Полностью материа-

Рис. 9. **Участники раскопок на Славне 1932 г. Стоят слева направо: неизвестный, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, С. Н. Аносов (?). Публикуется впервые.**

лы этих раскопок были опубликованы А. В. Арциховским в 1949 г.[15]

Сохранилась фотография 1932 г., на которой четыре участника раскопок сфотографировались, вероятно, в выходной день, у знаменитых Корсунских врат Софийского собора (рис. 9). С фотографии смотрит на нас молодой, очень талантливый и удачливый А. В. Арциховский. Он в начале своей блестящей научной карьеры. Впереди продолжение раскопок на Славне, затем раскопки на Ярославовом дворище. Будет потом и 1951 год, когда весь мир облетит сенсационное известие о находках в Новгороде первых 10-и берестяных грамот. Будет многолетний напряженный труд громадного коллектива Новгородской археологической экспедиции, которую он будет возглавлять. Будут сотни берестяных грамот и тысячи уникальных находок, которыми Новгород будет одаривать отечественную историю и культуру. Будут лекции и семинары на историческом факультете МГУ, создание кафедры археологии, талантливые ученики, книги и статьи о средневековой Руси, многочисленные поездки с докладами о раскопках в Новгороде во многие страны мира. Он войдет в число ведущих археологов нашей страны. Будет международное признание научных заслуг. Все это будет. А пока с фотографии на нас смотрит 29-летний А. В. Арциховский, которому во многом в будущем все это даст работа в Новгороде.

Раскопки Новгородского музея

В первом выпуске «Новгородского исторического сборника», который был издан в конце 1936 г., есть статья А. А. Строкова «Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода». В ней подробно и очень квалифицированно описаны материалы раскопок, а также тщательно проанализированы письменные источники, свидетельствующие о топографии этой части средневекового Новгорода: летописи, писцовые и лавочные книги, грамоты, а также картографические и иконографические материалы. Для середины 1930-х годов эту статью следует признать образцовой в плане осмысления археологического и исторического материала. В начале статьи приведены общие сведения о раскопках: «...в 1932 г., после уведомления Управления водного транспорта об обнаружении древних деревянных мостовых при закладке фундамента здания котельной мастерской на улице Декабристов (б. Козьмо-Демьянская), близ берега Волхова, музей предпринял археологические работы на этой территории. Здесь были произведены раскопки, давшие материал, который по своему научному значению представляет большой интерес. Раскопками обнаружено 18 слоев деревянных настилов улицы, причем самый древний относится к XI или началу XII века. Вскрытие настилов мостовой сопровождалось обнаружением остатков деревянных срубов, шедших по обеим сторонам мостовой, причем некоторые из них были отгорожены от последних частоколом. Раскопки производились на восточном участке улицы Декабристов, соответствующем местоположению части древней Холопьей улицы[16] (не доходя Волхова на 86 метров)»[17] (рис. 10—12).

В последнее время все довоенные раскопки Новгородского музея связываются с деятельностью Александра Александровича Строкова. Это не совсем верно, поскольку в раскопках музея 1932 г. он участия не принимал. В то время А. А. Строкова в Новгороде вообще не было. Мало того, в первой половине 1930-х годов он занимался не археологией и историей, а совсем другим. В архиве НГМ есть фонд А. А. Строкова, в который входят документы, свидетельствующие о том, что в начале 1930-х годов он жил в Ставрополе и Краснодаре. В 1930 г. А. А. Строков закончил Северокавказский краевой кооперативный техникум, в том же году вступил в ряды ВКП(б). В 1933 г., закончив агропединститут в Краснодаре и ускоренную аспирантуру при Северокавказском крайкоме ВКП(б), был направлен заведовать кафедрой социально-экономических наук в Ставропольский агропединститут. Одновременно с этим А. А. Строков исполнял обязанности зав. экономического отделения этого института. В то время появляются его первые печатные труды: «О социально-экономических формациях», «Карл Маркс». В 1934 г. Наркомпрос переводит его в Новгородский учительский институт.[18] К сожалению, пока не удалось точно установить, когда А. А. Строков был назначен директором Управления Новгородских музеев. Возможно, уже в 1935 г., поскольку в марте 1936 г. на первом пленуме Ученого совета Новгородских музеев он зачитал доклад «Отчет о деятельности Новгородских музеев за 1935 г.».[19]

Таким образом, мы приходим к заключению, что в 1936 г. А. А. Строков опубликовал материалы раскопок, проведенных другими исследователями. Кем же? По этому вопросу в археологической литературе ясности нет. В брошюре Ю. В. Бошенятова, изданной в 1934 г., фамилии вообще не приведены, а говорится просто о «...раскопках, про-

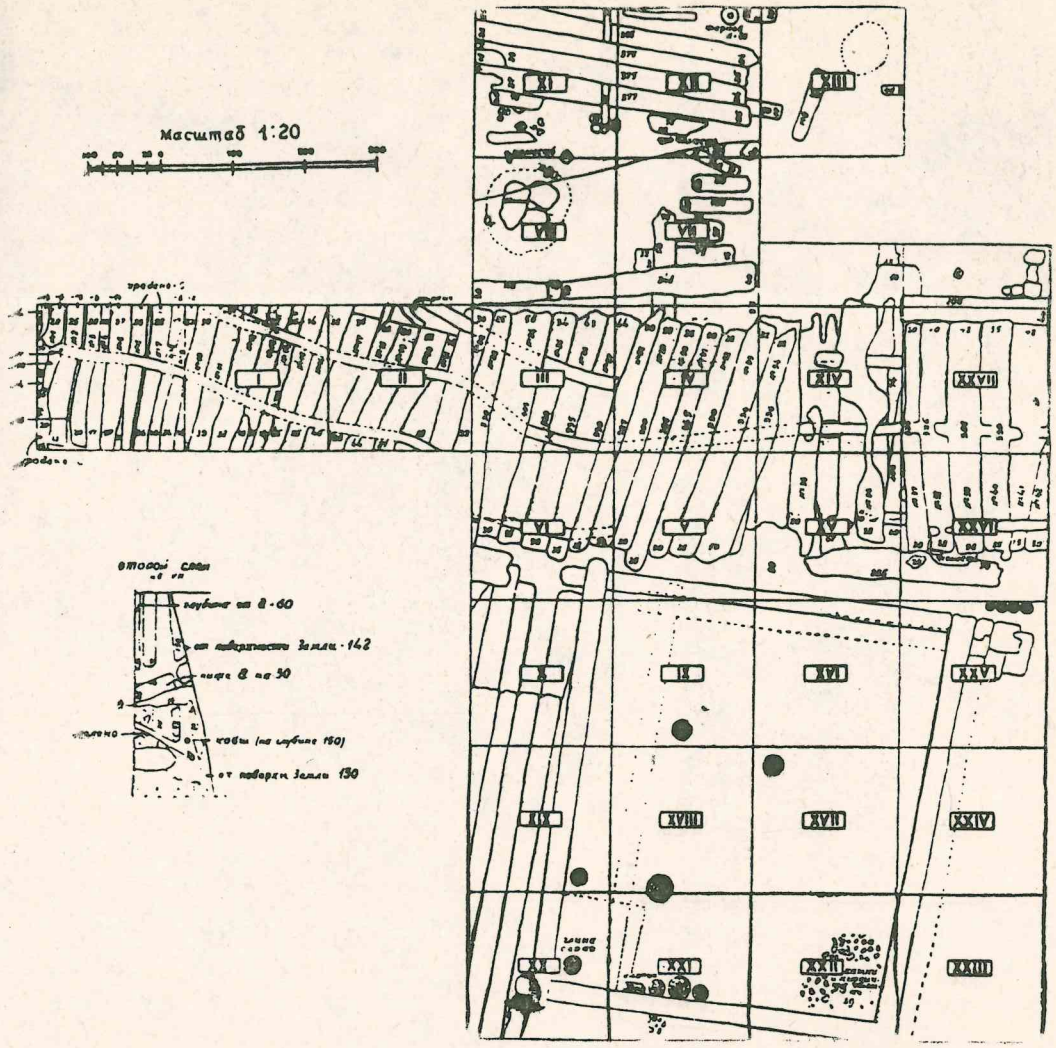

Рис. 10. **План раскопок Новгородского музея на ул. Декабристов. Из статьи А. А. Строкова «Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода».**

изведенных Новгородским Госуд. музеем на территории водного транспорта».[20] А. А. Строков по этому вопросу писал так: «Материал этого раскопа был собран, сгруппирован и написан при сотрудничестве В. А. Богусевича и участников этого раскопа — Б. К. Мантейфеля и А. Н. Принцева».[21] В 1939 г. А. А. Строков и В. А. Богусевич дважды переиздали отчет о раскопках 1932 г. уже без упоминания участников работ.[22] В 1947 г. в статье «Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода» М. К. Каргер писал об экспедиции НГМ «под руководством С. М. Смирнова и Б. К. Мантейфеля».[23] В 1955 г. в обобщающей статье «Археологическое изучение Новгорода» А. В. Арциховский отмечал: «При содействии пароходства сотрудники Новгородского музея С. М. Смирнов и Б. К. Мантейфель произвели там небольшие раскопки. Отчет о раскопках С. М. Смирнова и Б. К. Мантейфеля впоследствии издал А. А. Строков».[24] Под этими же фамилиями материалы раскопок 1932 г. значатся и в фотоархиве ИИМК.[25]

На самом деле работами Новгородского музея в 1932 г. руководил другой человек. Его имя удалось установить благодаря некоторым документам, подшитым в архивное дело с материалами по раскопкам А. В. Арциховского на Славне в том же году.[26] Этих документов немного, однако они позволяют узнать и имя руководителя, и время проведения раскопок. Работами на раскопе на ул. Декабристов руководил сотрудник Новгородского музея Василий Сергеевич Пономарев. Раскопки были проведены в августе и сентябре.

6 сентября заместитель председателя ГАИМК Ф. Д. Кипарисов на имя Н. Г. Порфиридова отправил следующую телеграмму: «Не зарывайте раскопанного. Каргер выезжает десятого». В деле имеется и копия командировочного удостоверения: «Гос. Акад. Истории Матери-

Рис. 11. Август 1932 г. Работы Управления водного транспорта по закладке фундамента здания котельной мастерской на ул. Декабристов. Вверху справа за штабелями кирпича место предстоящих раскопок Новгородского музея. Фотоархив ИИМК. Публикуется впервые.

Рис. 12. Август 1932 г. Раскопки Новгородского музея на ул. Декабристов. Фотоархив ИИМК. Публикуется впервые.

альной Культуры командирует научн. сотр. Академии М. К. Каргера в Новгород для участия в археологических раскопках Новгородского музея сроком с 11 по 15 IX с. г.».

Вероятно, в начале 20-х чисел декабря, В. С. Пономарев приезжал в Ленинград и на расширенном заседании Постоянной Комиссии по раскопкам ГАИМК сделал доклад о проведенных в августе—сентябре работах. В Академии высоко оценили эти работы, и 22 декабря В. С. Пономареву были выданы следующие документы: письмо в Новгородский музей с информацией о докладе и сообщением о готовности оказания в будущем методической помощи (рис. 13); письмо в Новгородский районный Исполнительный комитет с информацией о раскопках и их значении, с просьбой оказывать В. С. Пономареву всякое содействие при проведении им наблюдений за земляными работами в городе; письмо в Новгородский музей, информирующее о том, что Академия в начале 1933 г. предполагает организовать заседание и выставку по вопросам раскопок Новгорода и Ладоги и просит командировать на это заседание В. С. Пономарева с соответствующими материалами. Кроме того, была выдана бумага, фактически являвшаяся Открытым листом: «Государственная Академия Истории Материальной Культуры настоящим уполномачивает научного сотрудника Новгородского музея т. ПОНОМАРЕВА Василия Сергеевича производить наблюдения при всякого рода земляных работах на территории г. Новгорода с целью изучения могущих быть обнаруженными во время указанных работ остатков строений (мостовых, зданий и т. п.) древнего Новгорода. Зам. Председателя Академии — Кипарисов. И. о. Ученого секретаря Гольмстен. 22/XII-32 г. № 3240».

В газете «Ленинградская правда» от 26 декабря 1932 г. была напечатана маленькая заметка без подписи под заголовком «Остатки древнего Новгорода». Наверняка она была написана после доклада В. С. Пономарева. В архиве ИИМК вырезка из газеты с этой заметкой лежит в фонде Н. И. Репникова.[27] Он мог быть автором, поскольку наверняка присутствовал на докладе. Текст заметки стоит процитировать целиком. «Академия истории материальной культуры получила сообщение, что при постройке портовых сооружений в Новгороде обнаружены остатки древних зданий и мостовых. Раскопками, произведенными сотрудником Новгородского музея Пономаревым, установлено, что вскрыт участок одной из древних улиц Новгорода, опускавшихся к пристаням. Общая глубина культурного слоя достигает 6,25 м. Раскопками открыты остатки 11 жилых построек и 17 настилов деревянной мостовой, последовательно сменявших друг друга, начиная с XI и до XVII вв. Найдено много бытовых

В НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ.

Государственная Академия Истории Материальной Культуры заслушав в расширенном заседании ее Постоянной Комиссии по Раскопкам доклад Вашего научного сотрудника т.ПОНОМАРЕВА В.С. сообщает,что работы произведенные истекшей осенью под руководством тов.ПОНОМАРЕВА по изучению древних мостовы и др.сооружений в г.Новгороде признаются Академи заслуживающими полного внимания.Представленные т.ПОНОМАРЕВЫМ материалы позволяют судить о правильности метода,примененного им при раскопках.

Академия готова всемерно поддерживать дальней работы указанного рода в Новгороде.С этой целью она обращается в соответствующие строительные организации с просьбой о денежной поддержке начаты работ.Кроме того,Академия примет меры к обеспече будущих работ и соответствующими специалистами, если этого потребует дело.

Зам.Председателя Академии Кипарисов
И.о.Ученого Секретаря Гольмстен

Рис. 13. Письмо ГАИМК в Новгородский музей от 22 декабря 1932 г. Архив ИИМК.

предметов. Прекрасная сохранность дерева позволяет в деталях восстановить картину жизни одного из наиболее старых торговых центров древней Руси».

Об отчетном докладе по раскопкам Новгородского музея на заседании Археологического комитета ГАИМК осенью 1932 г. упоминает в статье 1947 г. М. К. Каргер. Однако фамилию Пономарева он не указал.[28]

Кто же такой В. С. Пономарев? Почему материалы его раскопок опубликованы А. А. Строковым без упоминания его имени? В археологической литературе удалось собрать очень скупые сведения об этом человеке. Во второй половине июля 1928 г. в археологической экспедиции Новгородского музея под руководством С. М. Смирнова принимал участие член Новгородского Общества любителей древностей В. С. Пономарев.[29] В июле 1929 г. он в качестве представителя Новгородского музея принимал участие в раскопках курганов у с. Хрепле и на Новгородском городище под руководством А. В. Арциховского.[30] В 1931 г. В. С. Пономарев, вероятно, работал на раскопках сопки у д. Любоежа в Поозерье, которые проводил Новгородский музей.[31] В июле 1932 г., как уже упоминалось выше, как представитель Новгородского музея работал на Славне.[32]

Более подробные сведения об этом человеке удалось собрать среди архивных материалов, помогли и устные свидетельства.[33]

Василий Сергеевич Пономарев родился в 1907 г. Он — сын Надежды Васильевны Передольской, младшей дочери Василия Степановича Передольского. Значительный биографический материал о нем приводит в своих воспоминаниях 1985 г. С. М. Смирнов, который в 1930-е годы работал в Новгородском музее и знал В. С. Пономарева. «Надежда Васильевна, еще задолго до революции, вышла замуж за судейского чиновника Пономарева и жила на Урале в городе Невьяне (правильно Невьянск, город на реке Нейва к северу от Екатеринбурга — П. Г.). Там и родился В. С. Пономарев. После смерти мужа Надежда Васильевна вместе с сыном, тогда начинающим обучение в школе, переселяется в Новгород. Неизвестно, чем и как жили переселенцы в Новгороде, но их приютила сестра Надежды Васильевны, Ольга Васильевна Передольская — известный в Новгороде врач, не имевшая своей семьи, но занимавшая отдельную квартиру на одной из улиц Софийской стороны города. Здесь и рос Василий Сергеевич Пономарев, а когда вскоре умерла его болезненная мать, он и всецело оказался на попечении своей тетушки, женщины доброй и внимательной. Нужно к этому добавить, что в это время в Новгороде в старом своем доме жила семья брата сестер Передольских, Владимира Васильевича Передольского, владельца «музея Передольского», но по каким-то причинам семейного свойства эти две семьи, происходившие от одного корня, общего между собой не имели».[34]

Около 1928—1929 гг. Василий Сергеевич окончил курс Ленинградского университета (вероятно, факультет общественных наук) и подал заявление о желании его работать на пользу новгородских древностей. Его взяли на работу в музей и 25 декабря 1929 г. назначили заведующим антирелигиозным музеем, который был расположен в Софийском соборе. С. М. Смирнов вспоминает о Пономареве с некоторым оттенком ироничности и неприязни.[35]

В воспоминаниях Н. Г. Порфиридова о Новгороде 1917—1941 гг. нет практически никаких сведений о событиях 1930-х годов.[36] По некоторым причинам он не захотел писать об этом времени. Мне представляется, что когда в августе 1932 г. встал вопрос о раскопках на ул. Декабристов, директор Новгородского музея Н. Г. Порфиридов назначил руководителем 26-летнего Пономарева. Лучшей кандидатуры в музее тогда и не было. Василий Сергеевич был профессионально подготовленным специалистом: он имел историческое образование и опыт работы в нескольких археологических экспедициях. Вероятно, в раскопках также принимали участие С. М. Смирнов и Б. К. Мантейфель.

В архиве ИИМК имеется фотография, запечатлевшая начало раскопок на ул. Декабристов. Крайний слева на этом фото стоит бородатый молодой человек в темной рубашке с двумя накладными карманами на груди, скроенной по образцу военной гимнастерки, и в фуражке (рис. 14). Вероятно это и есть В. С. Пономарев, поскольку тот же человек присутствует на одном из фото раскопок на Славне, сделанном в июле этого же года (рис. 4).

На последних страницах уже упоминавшегося первого выпуска Новгородского исторического сборника помещено «Сообщение о научной работе Новгородских государственных музеев за вторую половину 1935 г. и первую половину 1936 года». Здесь в первом разделе о реорганизации музеев можно прочитать страшную фразу: «Судебные процессы над новгородскими музейными работниками вскрывали больные места».[37] Эти судебные процессы нача-

Рис. 14. Август 1932 г. Начало раскопок Новгородского музея на ул. Декабристов. Фотоархив ИИМК. Публикуется впервые.

лись в первой половине 1933 г. Нет необходимости говорить о том, что все они были сфальсифицированы. 5 апреля 1933 г. по постановлению Тройки ПП ОГПУ в ЛВО был осужден Н. Г. Порфиридов и заключен в каторжный лагерь сроком на пять лет.[38] Был осужден и отбывал заключение и С. М. Смирнов.[39] Возможно, по тому же делу проходил и В. С. Пономарев. Скорее всего, поэтому его имя, как и имя С. М. Смирнова, не упоминает в статье 1936 г. А. А. Строков. Кроме того, не исключено, что В. С. Пономарев мог также проходить по делу своего дяди В. В. Передольского от 25 февраля 1934 г., который был осужден, приговорен к заключению в лагере сроком на 10 лет и умер там в 1936 г.[40] В будущем в архиве Управления МБ по Новгородской области, возможно, удастся получить какие-нибудь материалы по делу В. С. Пономарева. Пока же подтвердить свою версию документально не представляется возможным. Известно лишь то, что В. С. Пономарев исчез на пять лет (1933—1937 гг.). Дальнейшие сведения о нем относятся только к 1938 г.

В архиве ИИМК хранится рукопись В. С. Пономарева «Новгородские сопки». Она состоит из предисловия, текста исследования (63 л.), списка раскопанных сопок и разных приложений. Все архивное дело насчитывает 79 листов. В кратком предисловии, датированном 10 апреля 1938 г., автор писал: «Предлагаемая работа, представляя систематическую, по возможности исчерпывающую, сводку археологического материала по данной категории древних памятников, ставит основные вопросы, связанные с проблемой новгородских сопок и, намечая некоторые пути их разрешения, не касается общих исторических проблем генезиса русского феодализма и дискуссий, связанных с этими проблемами».[41]

Работа поступила в ИИМК 19 апреля. Тем же числом помечен и отзыв П. Н. Третьякова, который находится в архивном деле. В целом отзыв имеет негативную оценку заключений автора. Таким образом, со времени написания автором предисловия исследования «Новгородские сопки» до отзыва рецензента прошло меньше 10 дней! В чем причина такой спешки? Ответ на этот вопрос помогает дать недавнее крупное исследование Е. Н. Носова. По его заключению, в конце 1930-х годов над

проблемой интерпретации сопок работал П. Н. Третьяков. Итогом этой работы явилась обширная статья «Северные восточнославянские племена», изданная в 1941 г. в МИА № 6. В этой статье исследователь изложил свои взгляды, которые на долгие годы определили основную линию советской историографии в интерпретации новгородских сопок. Суть их сводится к тому, что сопки — это усыпальницы всех рядовых членов родовых общин (патриархальных семей). В. С. Пономарев же видел в сопках могилы лишь верхушки общества.[42] «Решение проблемы новгородских сопок, — писал В. С. Пономарев, — возможно лишь в плане выяснения социального значения данных памятников. Сопки являются погребальными памятниками этнически неоднородного господствующего социального слоя, сложившегося в процессе развития социальной дифференциации у новгородских славян». По мнению автора, если в сопках похоронены лишь лидеры общества, то захоронения основной массы населения следует изучать по различным курганам с трупосожжениями (круглым, длинным, удлиненным) и городищам».[43] Принципиально иной, чем у П. Н. Третьякова, подход к решению проблемы сопок, на мой взгляд, и определил судьбу этого исследования. П. Н. Третьяков молниеносно отреагировал на него отзывом, и работа В. С. Пономарева осталась пылиться на полке архива ИИМК. Важно заметить, что Е. Н. Носов, указав на важность и правомерность такого подхода к решению проблемы интерпретации новгородских сопок, отмечает, что недавно В. Я. Конецкий поставил под сомнение обоснованность получивших распространение взглядов на сопки как на родовые усыпальницы и фактически пришел к мысли, высказанной В. С. Пономаревым в 1938 г.[44]

В архиве ИИМК имеются и другие исследования В. С. Пономарева: «Находки каменных орудий в Великом Новгороде (по материалам В. С. Передольского)» и «Религиозно-магический рисунок на культовом неолитическом сосуде».[45] Эти рукописи могут свидетельствовать о том, что после возвращения из заключения он снова работал в Новгородском музее, поскольку коллекция каменных орудий из собрания его деда перед войной хранилась именно там. Работал он в музее, вероятно, до самого начала Великой Отечественной войны.

Подводя краткий итог деятельности В. С. Пономарева к 1941 г., можно заключить, что научная карьера его не сложилась. Материалы раскопок 1932 г. были опубликованы другим человеком без упоминания его имени. После возвращения из заключения заниматься самостоятельными археологическими исследованиями в Новгороде было невозможно, поскольку с 1937 г. всеми раскопками Новгородского музея руководил А. А. Строков. Отзыв П. Н. Третьякова перечеркнул его научные начинания в области изучения погребальных древностей Новгородской земли.

25 августа 1941 г. войска Красной Армии под давлением превосходящих сил противника оставили Новгород и на два с половиной года город был оккупирован немецкими войсками. В. С. Пономарев остался в оккупированном Новгороде.[46] Почему он это сделал — неизвестно. Возможно, он просто не успел покинуть город. А может быть, он сделал это и специально. У него были причины не любить Советскую власть, поскольку без серьезной вины сталинский лагерь отобрал у него несколько лет жизни. По некоторым, пока не документированным данным, при немцах он сначала продолжал работать в музее, а позже был назначен городским бургомистром. Интересные свидетельства о В. С. Пономареве в этот период приводит в 1965 г. А. И. Семенов, который в 1930-е годы работал в Новгородском музее. «Фашистское командование назначило директором музея бывшего научного сотрудника музея Пономарева, 1907 года рождения. Он был антисоветски настроен и специально остался в Новгороде для встречи с фашистами. Пономарев с юношеских лет изучал военную историю, знал по имени и фамилии всех видных генералов царской армии, начиная со времен Петра I и сам мечтал стать генералом. В военное училище по состоянию здоровья он не попал. Окончив Ленинградский университет, Пономарев поступил на работу в Новгородский музей, но оказался очень инертным работником... Фашисты потребовали от Пономарева подготовить к отправке в Германию музейные вещи. Он проявил небывалую энергию и с помощью немецких солдат грузил все, что еще оставалось в музеях. Фашисты ценили Пономарева и, отступая из Новгорода, прихватили его с собой. Теперь он живет в Западной Германии, активно участвует в антисоветской эмигрантской организации (в Мюнхене) и стал верным слугой недобитых гитлеровцев».[47]

В 1991 г. у нас в стране переиздана книга П. В. Жадана, одного из деятельных участников Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТС). Этот Союз был организован в 1930 г. и

объединял национально настроенную молодежь русского зарубежья, решившую по-новому продолжать борьбу за Россию, начатую Белым движением. Рассказывая о работе НТС в районе Пскова в конце 1943 г., автор пишет о встречах с человеком, фамилии которого он не сообщает. Возможно, это был В. С. Пономарев. П. В. Жадан сообщает следующее: «Живой интерес к союзным идеям и философии солидаризма одно время проявлял отсидевший в советском концлагере литератор, человек большой эрудиции, бывший какое-то время при немцах городским головой в Новгороде. Но когда в конце 1943 года во Псков приехал член Совета НТС Р. Н. Редлих, то на встрече с ним он ни с того, ни с сего начал нападки на солидаризм. Нам такая двойственность показалась странной». Через несколько дней этот человек сделал на П. В. Жадана донос немцам, а потом сам же сказал ему об этом.[48]

В 1955 г. А. В. Арциховский ездил в Рим, где в составе советской делегации принимал участие в работе X Международного конгресса историков. На конгрессе он выступал с докладом «Новые открытия в Новгороде». Там у него состоялась встреча с В. С. Пономаревым. Об этой встрече он так рассказывал В. Л. Янину: «Ко мне подошел Пономарев. Тянул руку. Я руки ему не подал». После этого эпизода становится понятным, почему А. В. Арциховский в статье 1955 г., говоря о раскопках Новгородского музея в 1932 г., не упомянул имени В. С. Пономарева. Для него он был изменником Родины. Кроме того, советская цензура зорко следила за тем, чтобы упоминания о лицах, сотрудничавших с немцами в период Великой Отечественной войны, не попадали на страницы научных трудов.

В декабре 1992 и феврале 1993 г. я спрашивал о В. С. Пономареве Б. А. Рыбакова. Они были знакомы по совместной работе в экспедициях А. В. Арциховского 1929 и 1932 годов. Борис Александрович охарактеризовал его плохо, назвав «скользким человечком», а также человеком «бесталанным и маленьким». Он сообщил также, что во время войны тот остался в оккупированном Новгороде и был бургомистром. На мой вопрос о том, что было с В. С. Пономаревым после 1944 г., Б. А. Рыбаков ответил: «Не знаю. Тогда не принято было этим интересоваться».

Этими данными исчерпываются сведения, которые удалось собрать о В. С. Пономареве. Я не могу дать оценки его поступкам. Каждый имеет право сам распоряжаться своей судьбой. Иногда и обстоятельства вынуждают человека делать совсем не то, что ему бы хотелось. Мы не знаем причин, которые заставили В. С. Пономарева остаться в Новгороде в конце августа 1941 г. Не знаем также конкретно ничего о его сотрудничестве с немцами в 1941—1944 годах. Все это еще предстоит выяснить в будущем. Зато мы хорошо представляем, что ожидало его в том случае, если бы он в начале 1944 г. дождался прихода Красной Армии. Наверняка знал об этом и он.

Отмечая 60-летнюю дату с начала планомерного археологического изучения Новгорода и поминая всех археологов, отдававших этому городу свое время и силы, мы должны помнить и еще одно забытое имя — имя Василия Сергеевича Пономарева.

---

[1] *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1—2. С. 60—64; *Строков А. А.* Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода // НИС. Вып. 1. Л., 1936. С. 41—64.

[2] *Артемий Владимирович Арциховский.* Вступит. статья В. Л. Янина. Библиогр. сост. А. П. Епифановой // АН СССР. Материалы биобиблиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 12. М., 1973. С. 3; *Формозов А. А.* Следопыты земли московской. М., 1988. С. 115, 116; *Формозов А. А.* Доклад об А. В. Арциховском на Новгородском семинаре на кафедре археологии исторического факультета МГУ 9.03.1993 г.; Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР. 1919—1956 гг. Указатель. М., 1962. С. 25, 26, 31, 41, 61.

[3] Экспедиция в Новгород по изучению феодального города (Начальник А. В. Арциховский, зам. нач. М. К. Каргер, секретарь Б. А. Рыбаков) // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1932. № 97.

[4] Экспедиция в Новгород...

[5] Экспедиция в Новгород...

[6] Записные книжки А. В. Арциховского // Архив НГМ. Фонд № Р-2. Оп. 1. Инв. № КП 35369.

[7] В 1937 г. в Новгороде насчитывалось 46 тыс. жителей. См. БСЭ. Т. 42. М., 1939. Стлб. 223.

[8] *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. ... С. 63.

[9] *Арциховский А.В., Каргер М. К.* Раскопки в 1932 г. в Новгороде на Славне // Фотоархив ИИМК. № 211/1—42.

[10] Экспедиция в Новгород...

[11] *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. ... С. 63.

[12] *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. ... С. 64.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11. М., 1949. С. 119—151.

[16] Позже было доказано, что это Боркова улица.

[17] *Строков А. А.* Раскопки Холопьей улицы... С. 42.

[18] *Маркина Г.* Александр Строков: Впервые установлены страницы биографии ученого, организатора науки, работавшего в Новгороде в 1934—1941 годах // Новгородская правда. 1990. 21 сент. С. 3; Фонд А. А. Строкова в архиве НГМ.

[19] Сообщение о научной работе Новгородских государственных музеев за вторую половину 1935 г. и первую половину 1936 // НИС. Вып. 1. Л., 1936. С. 67.

[20] *Бошенятов Ю. В.* Подземный Новгород: Подземелья. Тайники. Клады. Новгород, 1934. С. 9. Сноска.

[21] *Строков А. А.* Раскопки Холопьей улицы... С. 42. Сноска 1.

[22] *Строков А., Богусевич В.* Археологическое исследование Новгорода. Новгород, 1939. С. 3—8; Они же. Новгород Великий: Пособие для экскурсантов и туристов. Л., 1939. С. 223—228.

[23] *Каргер М. К.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // СА. Т. IX. М.; Л., 1947. С. 138.

[24] *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 10.

[25] *Смирнов С. М., Мантейфель Б. К.* Раскопки в 1932 г. мостовых XI—XVII вв. на Холопьей улице (Декабристов) в Новгороде // Фотоархив ИИМК. № 211/43—88.

[26] Экспедиция в Новгород...

[27] Благодарю Е. Н. Носова за это сообщение.

[28] *Каргер М. К.* Основные итоги... С. 148. Сноска 1.

[29] *Смирнов С.* Археологическая экспедиция на р. Ловать летом 1928 г. // Материалы и исследования [Новгородского государственного музея]. Вып. 1. Новгород, 1930. С. 7.

[30] *Арциховский А.* Раскопки 1929 г. в Новгородском округе // Материалы и исследования [Новгородского государственного музея]. Вып. 1. Новгород, 1930. С. 20.

[31] Раскопки Новгородским музеем двух курганов на р. Веряже // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 786.

[32] *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. ... С. 63.

[33] За помощь в сборе материла я глубоко признателен В. Л. Янину, Н. Н. Жервэ и Г. К. Маркиной.

[34] *Смирнов С. М.* Воспоминания о времени работы моей в Новгородском музее и периода работы в качестве педагога в разных школах // Архив НГМ. Машинопись. Л. 79.

[35] *Смирнов С. М.* Воспоминания... Л. 79, 80; *Маркина Г. К.* Летопись музейного дела в Новгородском крае (1865—1990) // 125 лет Новгородскому музею. Материалы научной конференции. Новгород, 1991. С. 10.

[36] *Порфиридов Н. Г.* Новгород. 1917—1941: Воспоминания. Л., 1967.

[37] НИС. Вып. 1. Л., 1936. С. 65.

[38] Освобожден досрочно. Сведения получены от Г. К. Маркиной.

[39] *Жервэ Н.* Уходя, оставить свет... (Памяти краеведа Сергея Смирнова) // Новгородские ведомости. 1992. 30 марта.

[40] *Коваленко Г. М., Маркина Г. К.* «Черносотенный» профессор // Новгород. 1990. 30 октября. С. 4, 5.

[41] *Пономарев В. С.* Новгородские сопки // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 2. 1938. № 155. Л. 1.

[42] *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX—XI вв.: Историко-археологические очерки. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1992. Л. 58, 59 // Архив ИИМК.

[43] *Пономарев В. С.* Новгородские сопки... Л. 62, 78.

[44] *Носов Е. Н.* Новгородская земля... Л. 60; *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII—X вв. // Славяне: Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 140—150.

[45] Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 2. № 393; Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 2. № 1404. Эти сведения любезно сообщены Е. Н. Носовым.

[46] Свидетельства А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, А. И. Семенова.

[47] *Семенов А. И.* Столетие Новгородского музея (1865—1965 гг.) и участие музея в коммунистическом воспитании трудящихся. Доклад на торжественном заседании Горсовета 22 сентября 1965 г. // Архив НГМ. Фонд № 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 136.

[48] *Жадан П. В.* Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской войне и Второй мировой войне. М., 1991. С. 164, 165. Впервые книга издана в Нью-Йорке в 1989 г. издательством «Посев».